

Человек в черном, стоявший на коленях рядом, услышав это, достал из рукава листок бумаги и с поклоном подал его Синь Юаньяню. Тот опустил голову, развернул записку и внимательно изучил ее содержание, невольно шепча про себя:

— Будучи сыном наложницы, он отличается слабохарактерностью и всегда был труслив... Однако после падения в воду его характер изменился, возможно, кто-то его напугал?

Его тонкие губы слегка изогнулись в улыбке, а длинные пальцы взяли записку и вернули ее человеку в черном. Синь Юаньянь с интересом произнес:

— Забавно.

Человек в черном молча спрятал записку и, еще ниже склонившись, ждал дальнейших указаний.

— Отправь двух людей из Юэ Хуэй, но не для слежки, а для защиты.

Прошло некоторое время, и черный плащ бесшумно скользнул по каменным плитам. Рука, скрытая в рукаве, показала отблеск нефрита. Глаза темно-синего цвета стали спокойными, а сапоги с вышитыми золотыми драконами мягко ступали по камням, оставляя лишь тихий звук шагов.

— Хотя его характер изменился, его положение осталось прежним. Если возникнут какие-то опасности, действуй незаметно, чтобы не привлекать внимания. Нет, перед тем как отправить людей, я сам отправлюсь в дом Гу сегодня в полночь, чтобы лично встретиться с ним и убедиться, что это действительно тот человек. И еще, защищать его должны быть женщина-шуан или женщина, иначе они не смогут свободно перемещаться по внутренним покоям.

Человек в черном, выслушав указания, поклонился и бесшумно исчез в тени:

— Слушаюсь, господин.

Когда наступила полная темнота, дворцовый банкет наконец закончился. Кареты знатных семей уже вернулись в свои резиденции, а на улицах все еще толпились люди. Однако из-за сильного холода многие уличные торговцы рано свернули свои лавки, и к полуночи весь Минду погрузился в тишину. Лишь огни в домах продолжали гореть, но шума и суеты предыдущих дней уже не было.

В полночь, в резиденции князя И, во дворе Жунли, все еще горели свечи.

В комнате только что закипел чай, и Цинхуань осторожно подняла поднос, направившись в комнату. Открыв дверь, она увидела, что Гу Чжису все еще склонился над столом, что-то рисуя или записывая. Она не осмелилась потревожить его, сначала налила горячую воду в медный чайник, затем наполнила пустой чайник и, наконец, подошла к нему с чашкой чая, поставив ее позади него.

Но когда она собиралась уйти, чтобы не мешать, услышала резкий звук, за которым последовало потрескивание.

Она вздрогнула и тут же обернулась, чтобы понять, что произошло. Гу Чжису тоже отвлекся от работы, повернул голову и увидел, как Цинхуань наклонилась, чтобы подобрать осколки чашки, которую он случайно сбил со стола.

Гу Чжису, видя, как она осторожно собирает осколки, положил кисть и наклонился, с легкой улыбкой сказал:

— Только что не заметил, что ты принесла чай... Будь осторожна, не порежись.

— Знаю, молодой господин, не беспокойтесь обо мне, лучше продолжайте писать.

Цинхуань с улыбкой подбирала осколки, не проявляя ни малейшего недовольства. Напротив, она даже казалась заинтересованной, пока ее палец не скользнул по острому краю, и капля крови не упала на пол.

— Ай!

— Ты уже не маленькая, а все такая же неосторожная. — Гу Чжису, увидев, что она порезалась, поднял ее на ноги и указал на лекарство, которое прислала Гу Хайтан, с легким недовольством сказал:

— Такая глубокая рана, сначала обработай ее, иначе завтра опухнет, и ты не сможешь работать.

Цинхуань, увидев строгое выражение лица Гу Чжису, заколебалась:

— Но, молодой господин, осколки...

Гу Чжису потер виски, его раздражение усилилось:

— Осколки я соберу, иди.

Цинхуань, услышав это, оживилась и быстро ответила:

— Спасибо за заботу, молодой господин!

Гу Чжису, увидев, как она замотала палец платком и убежала, приоткрыл окно и крикнул:

— После того как обработаешь рану, иди спать, тебе не нужно меня обслуживать.

— Знаю, молодой господин!

В холодной темноте свеча слегка дрогнула. Гу Чжису закрыл окно, подошел к двери и опустил засов. Он сел перед углями, задумавшись, а затем с сложным выражением посмотрел на осколки, на которых остались следы крови Цинхуань.

На самом деле, когда он вновь увидел Цинхуань в момент своего возрождения, его чувства были настолько сложными, что их невозможно было выразить словами.

Цинхуань была не просто его служанкой. Она была наложницей, которую Цзюнь-ши выбрала для него с детства. Он всеми силами стремился стать ученым, но госпожа Синь и Гу Хайтан последовательно толкали его в пропасть. Ему пришлось смириться с тем, что он женщина-шуан. Он хотел дать Цинхуань чистую жизнь, но она настаивала на том, чтобы стать его служанкой и вместе с ним войти в Восточный дворец.

После того как он вошел в Восточный дворец, наследный принц Синь Юань оказался дураком, которым легко манипулировала Гу Хайтан. Все наложницы прошли через ее «обучение», и он, как наложница из приданого, не мог избежать этого. Каждый раз Цинхуань старалась

защитить его, что в итоге привлекло внимание Гу Хайтан. Весной, когда Синь Юань внезапно скончался, он не смог найти Цинхуань, которая должна была собирать вещи. Позже одна из служанок тайно сообщила ему, что произошло.

Увидев Цинхуань, обнаженную, покрытую ранами, почти безумевшую, он с трудом сдерживал гнев и печаль. Он сразу же потратил свои последние деньги на врача, но все же не смог спасти ее. До сих пор он помнит, как Цинхуань, перед смертью, в безумии, порезала себе лицо шпилькой и вонзила ее в шею, из которой хлынула кровь.

Эта адская картина преследовала его первые годы после вступления в императорский дворец, почти каждую ночь он не мог уснуть. Лишь когда он полюбил Синь Линьхуа, ужасный образ Цинхуань наконец стерся из его памяти.

Цинхуань погибла из-за его слабости, так же как Чанъань был убит его жестокостью. Когда он был слабым, жалким и даже уродливым, те, кто заботился о нем, один за другим уходили, что в конечном итоге превратило его в безжалостного и жестокого тирана на троне.

Гу Чжису, опершись на руку, сидел перед углями, долго смотрел на осколки, прежде чем наконец встал. Его взгляд скользнул по белой фарфоровой вазе с цветами груши, которые все еще цвели, и он достал из рукава платок, чтобы собрать осколки. В этот момент он услышал скрип, заставивший его насторожиться.

Перед ним ничего не изменилось, только пламя свечи колебалось. Он с подозрением встал и увидел, что окно, которое он только что закрыл, теперь приоткрыто. Холодный ветер проник в комнату, превратив тепло, созданное углями, в ледяной холод.

Плотно закрыв окно, Гу Чжису снова наклонился, но, прежде чем коснуться горячих осколков, почувствовал что-то неладное. Он мгновенно напрягся и вытащил из сапога тонкий, как крыло цикады, кинжал. Повернувшись, он встретился взглядом с холодными темно-синими глазами.

Тот человек выглядел так же, как при первой встрече, но на этот раз на нем не было плаща. Он прислонился к ширме, с легкой улыбкой наблюдая за ним, но в его глазах не было ни капли тепла. Он был совершенно не похож на того Чанъаня, которого Гу Чжису помнил.

Рука Гу Чжису замерла, но его взгляд оставался спокойным. Он положил кинжал на стол, как будто не замечая его, и снова наклонился, чтобы подобрать осколки. На этот раз, однако, он не был так спокоен, и, едва коснувшись осколка, порезал палец.

Увидев, как кровь стекает с пальца, он лишь слегка нахмурился, словно не чувствуя боли, и осторожно завернул осколки в платок. Он уже собирался положить их на стол, чтобы Цинхуань убрала их завтра, как вдруг его руку схватила другая рука, а окровавленный платок отодвинули в сторону.

Он смотрел, как тот человек достал из кармана белоснежный платок и осторожно вытер его кровь.

Следующим мгновением белый платок был отложен в сторону, а его палец внезапно стал теплым.